

Кириченко, Микоян, Игнатов и перемены в КГБ

Конец года, казалось, не предвещал неожиданностей, и тут гром среди ясного неба: по радио объявили, что 8 декабря 1958 года генерал армии Серов освобожден от должности председателя в КГБ в связи с переходом на другую работу. Серова сняли! За что? Почему? Серов – был человеком близким отцу. Я тогда сидел на полигоне и не мог прибежать к отцу с вопросами. Через пару дней, тоже из сообщения по радио мы узнали, что председателем КГБ назначили Шелепина, недавнего комсомольца, с апреля этого года заведующего Отделом партийных органов в ЦК. Я удивился ещё больше: органы ловят шпионов, засылают к врагам разведчиков, там нужны люди особой квалификации, а Шелепин, в моем понимании, для подобных дел не подходил. Я его знал относительно хорошо. Они дружили с Аджубеем и моей сестрой Радой. Меня Шелепин не впечатлил, но и не оттолкнул, человек как человек. Только очень прилипчивый. «Железным», как его прозвали, он мне отнюдь не показался. Перед Аджубеем он лебезил, а вскоре после знакомства начал названивать и мне, поздравлял с днем рождения. Его звонки заставляли меня как-то поеживаться: с чего это он мне звонит? С другой стороны, они мне отчасти льстили, я, мальчишка-инженер, а он – член ЦК. Из людей такого ранга мне до того никто не звонил, тем более с поздравлениями. Однако дальше этих звонков наши отношения не пошли. Я дружил со своими сверстниками, коллегами по работе. Шелепин в нашу компанию явно не вписывался.

Естественно, что, возвратившись в Москву, я сразу бросился к отцу с вопросами. Несмотря на табу, наложенное на обсуждение скользких кадровых тем, тут я не выдержал, речь шла не просто о Председателе КГБ Серове, а о Иване Александровиче, Светланином отце, нашем хорошем знакомом. Отец от разговора не уклонился, не шуганул меня привычным в таких случаях: «не приставай», но и на вопросы отвечал без охоты, односложно. Он объяснил, что они в Президиуме ЦК решили усилить партийный контроль над КГБ, омолодить кадры, убрать скомпрометировавших себя «стариков сталинского призыва», замешанных в нарушениях закона. Он не употребил слово – в преступлениях.

Серова они без обиды, так сказал отец, и без понижения статуса перевели в Генеральный штаб, назначили начальником Главного разведывательного управления (ГРУ).

– Он ведь военный, артиллерист, – как бы оправдываясь, произнес отец, – в НКВД попал случайно, в Генштабе ему самое место.

Шелепин же очень подходящая фигура, человек молодой, комсомолец, успел уже поработать в ЦК. А что касается шпионов, то в КГБ хватает профессионалов, они ими как занимались, так и будут заниматься.

– Председатель за ними по дворам не бегает, – пошутил отец, – его дело проводить политику партии.

Объяснения я принял, но в глубине души сомнения остались. Я их списал на свое недопонимание и успокоился.

В начале 1959 года из Киева приехал Виктор Петрович Гонтарь, муж моей сестры Юлистаршей. (Так ее называли, чтобы отличать от Юлии-младшей, дочери погибшего на войне моего брата Леонида.) Директор тамошней оперы, неисправимый сплетник, знавший все обо всех и рассказывающий всем обо всех. При этом он, в силу своей незлобивости, благорасположенности тоже ко всем, сохранял со всеми наилучшие отношения.

Остановился он не у нас в резиденции на Ленинских горах, а у Ирины Сергеевны, сестры отца. К нам забегал на минутку, и только когда отца дома не было. Однако и за эту минутку он успевал порассказать столько...

Почему Виктор Петрович перестал останавливаться у нас, хотя раньше дневал и ночевал в резиденции, – это отдельная история. Весьма терпимый к человеческим слабостям, отец с трудом переносил своего зятя. Виктор Петрович изводил его нескончаемыми разглагольствованиями на все мыслимые темы, от мировой политики до погоды и сплетен. Кто, когда, с кем, у него в Киевской опере, в Большом театре, и вообще в Киеве с Москвой. Мы знали, что отец не переносит подобной болтовни, знал это и Виктор Петрович, но удержаться не мог. Так продолжалось многие годы, еще с довоенных времен. Отец мирился, пропускал слова зятя мимо ушей, изредка, из вежливости, кивал. Признаюсь, в отличие от отца мне рассказы Виктора Петровича казались очень интересными, и слушал я их, развесив уши.

И вдруг Гонтарь перестал появляться в доме. Вскоре все прояснилось. Во время очередной прогулки отец без улыбки предупредил меня, чтобы я в присутствии Гонтаря не болтал лишнего, особенно о своей работе, о ракетах. Есть подозрение, что он общается с иностранными разведчиками. У меня даже дух перехватило: Виктор Петрович – шпион. С того дня я стал его сторониться. Конечно, Гонтарь никогда не был шпионом, но он обожал иностранцев, с удовольствием принимал от них сувениры и болтал, болтал без удержу. Естественно, такой «источник информации» представлял интерес и для журналистов, и для дипломатов, и для разведчиков. Последние обычно хорошо известны контрразведке, но их до поры до времени не трогают. Почему?

«Мы их знаем, а, следовательно, контролируем, – объяснил мне как-то Серов, – следим, с кем они общаются, от кого получают информацию, и какую информацию. Арестуй мы их, пришлют новых, нам неизвестных, и начинай все сначала».

Так что уличить Виктора Петровича в нежелательных контактах для КГБ труда не представляло. Вопрос только – зачем? Скорее всего, Серов никаких своих целей не преследовал – по долгу службы показал отцу досье «приятелей» Виктора Петровича. С другой стороны, Серов Виктора Петровича недолюбливал. Тот без конца ему звонил, за кого-то хлопотал, что-то выпрашивал, даже требовал, вмешивался в дела, как считал Серов, далеко выходящие за рамки деятельности не только директора Киевской оперы, но и хрущевского зятя.

Одно из «столкновений» у них произошло из-за Майи Плисецкой. Ее, лучшую балерину Большого театра, упорно не выпускали за границу, кто-то из собратьев-артистов «настучал», да так «настучал», что дело дошло до Серова, и все попытки заступиться за нее не помогали. Даже министр культуры Михайлов оказался бессилен.

Естественно, Виктор Петрович знал все о перипетиях Майи Михайловны. Однажды она со слезами на глазах попросила его помочь, и он с готовностью откликнулся. Виктор Петрович не сомневался, уж ему-то «Иван» не откажет. Они уговорились встретиться в Министерстве культуры, оттуда, из пустующего кабинета, можно по кремлевскому телефону дозвониться до кого угодно.

Отец всегда сам снимал трубку «кремлевки» и бывал очень недоволен, если на его звонок отвечал секретарь. Все поневоле следовали его примеру.

Пустой кабинет с нужным телефоном Виктор Петрович и Майя Михайловна отыскивали быстро. Приятель Виктора Петровича, заместитель министра Владимир Тимофеевич Степанов, где-то совещался. Секретарь отлично знала Гонтаря, тот не раз, дожидаясь ее «хозяина», коротал время в кабинете Степанова, названивая по его вертушке. Виктор Петрович набрал номер Серова и, не дождавшись ответа, передал трубку Плисецкой. Однако разговора не получилось, Серов не только отказал, но, разозлившись, приказал выяснить, по чьей «кремлевке» звонила ему балерина. Инструкция строго запрещает допускать к аппарату спецсвязи посторонних. Однако все прояснилось без всякого расследования. Расстроенная Плисецкая ушла, а Виктор Петрович снова набрал Серова, сказал ему, что это он, вместе с Майей Михайловной, звонил ему из кабинета Степанова и выговорил Ивану Александровичу за его неправильное, с точки зрения Гонтаря, поведение. Что ответил Серов, что между ними произошло, не знаю, но на следующий день у Степанова «кремлевку» отключили, неслыханный позор для заместителя министра.

Я пересказал историю со слов Виктора Петровича. Майя Михайловна в своей книге «Я, Майя Плисецкая» несколько иначе описывает это происшествие.

Неудача с Гонтарем Плисецкую не обескуражила, она продолжала борьбу и в конце концов достучалась до отца. Ее письмо обсуждали на Президиуме ЦК, КГБ стояло на своем, и вслед за ним кое-кто из членов высшего руководства страной засомневался, стоит ли рисковать? Отец считал иначе, разразился тирадой о необходимости доверять людям и демонстративно «поручился» за Плисецкую. Так она стала «выездной». 18 марта 1959 года великая балерина Майя Плисецкая впервые в составе труппы Большого театра выехала за границу на гастроли в Нью-Йорк.

Когда Шелепин занял кабинет Председателя КГБ, отец попросил его проверить, на самом ли деле Гонтарь связан с иностранной разведкой. «Проверка была произведена самая тщательная, – так в 1991 году Шелепин рассказывал корреспонденту газеты «Труд». – В результате было доказано, что зять его невиновен. Когда я рассказал Хрущеву об этом, он сердечно поблагодарил».

Итак, возвращаясь к интриге вокруг замены председателя КГБ. В январский, 1959 года, приезд все разговоры Виктора Петровича крутились вокруг «Ивана», так он по-панибратски продолжал звать Серова, хотя, как вы понимаете, в последнее время они друг друга крепко не любили. Виктор Петрович под «страшным секретом» рассказал, что в свое время, когда «Иван» работал заместителем Жукова в Германии, он столько «нахапал», даже присвоил бельгийскую корону. Теперь Ивана выведут на чистую воду. Виктор Петрович торжествовал. На меня его рассказ особого впечатления не произвел. Об этой короне он давно прожужжал всем уши.

Что у Серова дома находится какая-то корона, знали многие, он никогда этого не скрывал. Даже показал ее Виктору Петровичу, не сейчас, а когда они еще не рассорились.

Корону Бельгийского короля немцы конфисковали в начале войны, и она осела в сокровищнице то ли Геринга, то ли еще у кого-то из немецких бонз. После победы, когда в советской зоне оккупации Германии Жуков с Серовым полновластно распоряжались всем и вся, она стала «трофеем» Ивана Александровича.

Тогда из Германии без утайки, открыто все тащили всё, что под руку попадет: генералы – вагонами, полковники – машинами, а кто чином пониже – чемоданами и рюкзаками. Все всё знали, и все молчали, такую практику негласно санкционировал сам Сталин.

Московские генеральские квартиры и дачи обставлялись немецкой резной мебелью, выложенные немецким паркетом полы устилались немецкими коврами, на стенах красовались немецкие картины. Как правило, генералы не представляли истинной цены своих благоприобретений, они просто приказывали адъютантам прихватить понравившуюся им «вот эту штучку». Потом генералы отбирали из всего этого лично для себя, а остальное доставалось адъютантам с интендантами.

Припугнуть вывезенным из Германии трофейным добром Сталин решил лишь однажды, в 1948 году, когда «задвигал» подальше ставшего неудобным Жукова. Маршалу «шили» уголовное дело. По приказу Сталина у Жукова обыскали квартиру и дачу, нашли чемодан часов, отрезы бархата, картины, ковры, гобелены. На допросах близких к Жукову генералов речь шла и о чьей-то короне. Считалось, она принадлежала немецким кайзерам. Жуков от всего отрекся, но его оправдания, что он ничего не знал о хранившихся у него дома ценностях, звучали анекдотично. Попугав маршала в свое удовольствие, Сталин решил уголовного дела не затевать, отослал его служить на Урал.

Теперь тот же сценарий разыграли в отношении Серова. Серов не устраивал в Президиуме ЦК многих, в первую очередь Кириченко, Микояна и Козлова. Они попросту боялись Серова. Он все знал о них, о каждом их шаге, а их самих и в грош не ставил. «Неуправляемость» председателя КГБ представлялась им нешуточно опасной, и они жаждали избавиться от Серова любой ценой. Державшийся особняком Игнатов, если верить Микояну, действовал иначе, он старался «приручить» Серова, склонить его на свою сторону.

В то время Кириченко, Игнатов, Козлов почти в открытую боролись за второе по значимости кресло в советской иерархии. Оно могло, в зависимости от обстоятельств, именоваться «Вторым Секретарем ЦК КПСС» или «Первым Заместителем Председателя Совета Министров СССР». Микоян не светился, держался за кулисами. Впоследствии он объяснял свое участие в кампании против Серова тем, что последний был замешан в сталинских преступлениях и вообще нечистоплотностью в делах. С другой стороны, Серов мог знать о самом Микояне, о его прошлом нечто такое, что побуждало Анастаса Ивановича попытаться убрать Ивана Александровича подальше, лишить его доверия отца и контактов с ним.

Полагаю, кто-то из этой четверки придумал и запустил комбинацию, но предварительный сговор между ними я исключаю. Остальные присоединились. Против Серова задействовали Шверника, председателя КПК, «совесть» партии, человека, по словам Микояна, «честного, но, правда, немного наивного. Он об интригах ничего не знал. (Анастас Иванович не уточняет, о чьих и каких интригах). Шверник предоставил ему (Хрущеву) документы, что Серов награбил в Германии имущества чуть ли не на два миллиона марок, точно не помню. Потом я узнал, что их раскопала Шатуновская», – пишет Микоян в воспоминаниях.

Ранее Анастас Иванович не раз упоминал о своих тесных отношениях с Шатуновской. И Ольга Григорьевна могла ему первому все рассказать о своих находках, пришла посоветоваться с ним до того, как идти к своему непосредственному начальнику – Швернику. С другой стороны, Микоян отлично знал, что на «трофейный» крючок можно «подсечь» любого генерала или маршала. И о короне он, несомненно, был наслышан. Так что, возможно, это он «посоветовал» Шатуновской заняться Серовым, указал, что и где «искать».

В воспоминаниях Микоян сетует, что убрать Серова «было очень трудно, Хрущев упрямился. – “Нельзя, говорит, устраивать шум, многие генералы в этом грешны”. – “Хорошо, не устраивай шум, – говорю я ему. – Но хотя бы надо снять его с этой работы!” Но Хрущев не уступал».

Не помогла и бельгийская корона. А уж на нее, казалось, отец не мог не клюнуть. Ведь этой весной он сидел рядом с Бельгийской королевой на заключительном концерте победителей конкурса Чайковского, слушал Вана Клиберна, потом принимал ее в Кремле. В свою очередь, королева регулярно приглашала к себе во дворец советских музыкантов, после выступлений долго с ними беседовала, а затем направляла благодарственные письма Ворошилову. Отец очень ценил эти контакты, связи с Западом тогда только налаживались.

Естественно, королеве очень хотелось заполучить назад свою корону, она ее разыскивала повсюду, не зная, что корона лежит у Серова на даче.

Но отец на корону не клюнул, просто приказал Серову ее вернуть законной владелице. В архивных документах и серьезных публикациях о Серове я вообще не нашел упоминаний о короне Бельгийского короля. Но это не означает, что она была или ее не было. Я описал историю, как ее очень хорошо запомнил сам.

«Кириченко помог убрать Серова, – рассказывает Микоян о развитии интриги. – Но и Игнатов, поддерживая Серова против меня, сыграл свою роль. Кириченко, хоть и не очень одаренный, но порядочный человек, однажды (на заседании Президиума ЦК. – С. Х.) при Игнатове выразил удивление, что тот часто общается с Серовым, хотя по работе у них точек соприкосновения практически нет. Председатель КГБ выходил прямо на Хрущева. Серов же часто в рабочее время приезжает к Игнатову в кабинет. “Конечно, это не криминал, – заметил Кириченко. – Просто непонятно, несколько раз искал Серова по телефону и находил его у тебя”. (У Игнатова. – С. Х.) Игнатов отбивался: “Ничего подобного не было, с Серовым он не общается”. В тот раз все прошло без последствий, хотя само такое яростное отрицание такого очевидного факта обычно выглядит хуже самого факта».

Лобовая атака не сработала, но Микояну удалось зародить у отца сомнения. Интриганство Игнатова знали все, и, действительно, «точек соприкосновения с Серовым у него не было».

Микоян умело направил мысли отца в нужном ему направлении. Сидя на вершине авторитарной пирамиды власти, невозможно не думать о вероятности заговора. Приходится все время держаться настороже. А когда к «подозрительным» контактам Серова с Игнатовым добавилась еще и бельгийская корона, то дело о необходимости оздоровления, очищения «органов» не могло не выгореть. И оно и «выгорело». Правда, не сразу.

Первый раз вопрос о Серове на Президиуме ЦК, в присутствии самого Серова, поставили 20 ноября 1958 года. Из записок Малина мало что понятно, но говорили о перемещении Серова в ГРУ и перебирали кандидатуры на место Председателя КГБ. Отец назвал генералов Лунева и Ивашутина, но не настаивал. И тут вдруг Серов назвал Шелепина, сказал, что в нынешней ситуации больше подошел бы политработник.

Расстались, так ничего и не решив. На следующем заседании, 24 ноября, отец снова заговорил о Серове, он засомневался, правильно ли они поступают, ведь он «ведет себя преданно». Его поддержал Аристов, который перечислил положительные стороны Серова. Игнатов тоже подчеркнул преданность Серова. Фурцева, она в то время тесно контактировала с Игнатовым, напомнила о твердой позиции Серова в деле реабилитации жертв открытых сталинских политических процессов. В комиссии, созданной 13 апреля 1956 года под председательством Молотова, он, несмотря на давление со стороны Молотова, твердо проводил линию Хрущева.

– Прямой человек, дело знает, выдержанный, хорошо показал себя в июньские дни (во время столкновения с молотовцами. – С. Х.), – твердо встал на защиту Серова Полянский.

– Серова только враги ругают, – откликнулся Пospelов.

В результате, приняли резолюцию: «Оставить». Микоян с Кириченко на этом заседании присутствовали, но, судя по записям, сидели тихо, не высказывались. Однако и не смирились.

«Кириченко не успокоился, – пишет Микоян, оставляя себя за скобками, – и через некоторое время вернулся к этому вопросу: “Как же ты говоришь, что не общаешься с Серовым?” – спрашивает он Игнатова (в присутствии Хрущева). – Я его сегодня искал, ответили, что он в ЦК. Стали искать в Отделе административных органов – не нашли. В конечном счете, оказалось, он опять сидит у тебя в кабинете”. – “Не было его у меня”, – отпирался Игнатов. Тогда Кириченко назвал фамилию человека, который по его поручению искал Серова и обнаружил его выходящим из кабинета Игнатова. Хрущев искоса посмотрел на Игнатова, промолчал. Но все стало ясно».

После этого происшествия мнения переменялись, все настроились против Серова, вновь заговорили о его замене. На заседании Президиума ЦК 3 декабря 1958 года Кириченко, расписывая, как он искал Серова, в подтверждение своих слов сослался, что «при этом деле был Малиновский».

Припертый к стене Игнатов заюлил, начал оправдываться, что он «ничего не скрывал», но слова его звучали крайне неубедительно, Игнатов это и сам понял и в отчаянии сдал Серова.

– Удивляет товарищ Игнатов, – тут же воспользовался его замешательством Козлов. – Если ошибся – скажи, но такое поведение... Нечестное поведение. Сделать вывод надо...

– О Серове: надо заменить, – твердо, почти безапелляционно припечатал Козлов.

Отец молчал, и его молчание означало, что аргументы возымели действие.

– Надо решать теперь вопрос о Серове, – твердо поддержал Козлова обычно нерешительный Микоян.

– Товарищ Серов вел себя в отношении товарища Хрущева во всех трех случаях хорошо, – пытался было встать на его защиту Аристов, но его никто не поддержал.⁵²

– Все понял. Вопрос исчерпан, – подавленно откликнулся Игнатов.

В тот день решения не приняли, но и отец больше Серова не отстаивал. 10 декабря 1958 года его отправили служить начальником ГРУ. Но и там недоброжелатели о нем не забывали. После ареста в 1962 году американского шпиона, полковника военной разведки Олега Пеньковского, Козлов буквально вынудил отца разжаловать Серова из генерала армии в генерал-майоры и отправить дослуживать до пенсии в далекий Туркестан. (Подробно об этом можно прочитать в моей книге «Рождение сверхдержавы».)

Замена Серова на Шелепина подтвердила: отца мастером интриги никак не назовешь. Он принципиально отвергал всякого рода «личные канцелярии», параллельные центры власти и другие столь любимые Сталиным «макиавеллиевские» выкрутасы. И сейчас он посчитал, что Шелепин, комсомольцы, с незапятнанной репутацией, не развращенные вседозволенностью и всемогуществом «сталинских органов», придя в КГБ, изменят сущность организации, будут руководствоваться не личными, а общими интересами, интересами страны. Отставляя Серова, отец считал, что приобретает новое качество и «выигрывает партию».

Он ошибся. Пожертвовав Серовым, он не приобрел, а потерял качество, взамен профессионала-служаки получил Шелепина и его команду – закоренелых бюрократов-сталинистов, «младотурок», как назвал их цековский «либерал» Федор Бурлацкий. «Шелепин с Семичастным наводнили КГБ лихими и беспардонными комсомольцами из ЦК ВЛКСМ», – вторит ему цековский долгожитель А. М. Александров-Агентов.

И тем не менее, за десятилетие, с 1954 по 1964 год, КГБ сильно изменился, его численность сократилась на 110 тысяч человек, оставшихся сотрудников тщательно пересортировали, кого-то отправили в отставку, а еще 46 тысяч человек просто уволили. На их места

⁵² Аристов имел в виду позицию Серова во время ареста Берии в июне 1953 года, разбирательство с «антипартийной группой» июня 1957 года и освобождение маршала Жукова от обязанностей министра обороны в октябре 1957 года.

пришли выпускники высших учебных заведений, бывшие комсомольские работники, инженеры с производства. К 1963 году на 90 процентов штата составляли новые, никак не связанные с кровавым прошлым, люди.

Особенно «досталось» подразделениям, приглядывавшим за собственными гражданами. «После создания КГБ при СМ СССР в марте 1954 года... в контрразведке работало 25 375 сотрудников, а стало всего 14 263, – 25 июня 1967 года жаловался в своей записке Андропов Брежневу. – На 3 300 имеющихся в стране районов, отделы КГБ остались только в 734», в местах, представлявших интерес для иностранных разведок. Юрий Владимирович только что перешел в кресло председателя КГБ и теперь приступал к восстановлению утраченных при Хрущеве структур. Брежнев инициативу Андропова поддержал, в том же году образовали дополнительно две тысячи райотделов КГБ с соответствующей численностью.

Другое дело, насколько изменения связаны с приходом в органы Шелепина? Все началось еще при Серове – и сокращения, и замены. Из 46 тысяч упомянутых выше новых назначений 23 тысячи произошли до Шелепина. И сокращения начались задолго до его появления на Лубянке. КГБ реформировал не Шелепин с Серовым, а Хрущев. Это он в феврале 1960 года он приказал упразднить 4-е Управление КГБ, официально занимавшееся «антисоветчиками», а на деле шпионившее за писателями, художниками и другими «сомнительными» элементами. В 1967 году Брежнев это Управление воссоздаст, но уже под номером пять.

Как всегда, все зависело от первого лица. Пока отец находился у власти, и при Серове все развивалось бы в том же направлении, но более профессионально, чем при Шелепине.

Теперь же на место генерала Серова, то ли на самом деле заигрывавшего с Игнатовым, то ли павшего жертвой разыгранной Микояном интриги, пришел политик, который, как и Сталин, видел в «органах» инструмент достижения собственной власти.